

Ирена Ронен

ЛОМОНОСОВ В ТВОРЧЕСТВЕ БАТЮШКОВА

Влияние поэтического стиля Ломоносова на Батюшкова до сих пор изучено недостаточно. Среди обширной "батюшковианы" мы не найдем ни одной работы, специально посвященной этой теме.¹ Между тем, Батюшков многим обязан Ломоносову в области стихотворного языка.

Взгляд Батюшкова на Ломоносова сформировался не без участия его наставника М.Н. Муравьева.² "Почитатель и панегирик Ломоносова", по выражению В. Винокура, Муравьев привлек интерес Батюшкова к личности Ломоносова, воспринятой в восторженно-поэтическом ореоле. Именно таким настроением проникнуто "Послание И.М. Муравьеву-Апостолу", а в прозе – "О характере Ломоносова".

"Послание И.М. Муравьеву-Апостолу" – замечательное свидетельство батюшковского увлечения художественной манерой Ломоносова. Без творческого насилия Батюшков включает в свое послание имитацию ломоносовских стихов:

Как часто воспевал восторженный поэт:
"Дражайший, хладный блеск полуденной Авроры
И льдяные, в морях носимы ветром, горы,
И Уну, спящую средь звонких камышей,
И день, чудесный день, без ночи, без зарей!.." ³

Этот удивительный отрывок-псевдоцитату И.З. Серман назвал "интересным примером воспроизведения чужой стилистики собственными поэтическими средствами".⁴

Ломоносов для Батюшкова прежде всего поэт. Его жизнь Батюшков мифологизирует в рамках собственной поэзии. На первый план выступают скитания (типичная батюшковская тема – "Странствователь и домосед" и др.), нужда, одиночество непонятой души, недоброжелательство завистников, трагическая кончина, прервавшая лучшие начинания. Ломоносов предстает (как и батюшковский Тасс) умирающим: "Наш Пиндар кончил жизнь, поэмы не скончав" ("На поэмы Петру Великому"). Тут отразилось предчувствие судьбы самого поэта. "Поэты лишут стихи о самих себе, – замечает И.З. Серман. – о поэтах и поэзии в ее отношении к миру, к человечеству, но, каков бы ни был масштаб постановки проблемы, ис-

ходным пунктом ее является живое средоточие поэзии – сам поэт, хотя облик его может нести на себе более или менее резкую печать индивидуальной его судьбы. Не получив еще в поэзии право на биографию, поэты получают право на судьбу".⁵ Батюшков о Ломоносове – это Батюшков о Поэте, Батюшков о себе.

При всей разности поэтических установок в творчестве Ломоносова и Батюшкова прослеживается определенная близость художественного метода. Оба поэта придают усиленное значение звуковой организации стиха. Взаимодействие семантического и фонетического рядов, "когда 'идея' может развиваться и чисто звуковым путем, путем анаграммы", звуковых повторов, группировки слов одной основы, отмеченное Тыняновым в поэзии Ломоносова,⁶ становится разработанным приемом Батюшкова:

Бойцы выступали с бойцами на бой
(*"Гезиод и Омир – соперники"*)

Волна усилена волною
(*"Сон воинов"*)

Любви и очи и ланиты;
Чело открытое одной из важных Муз
(*"К другу"*)

Ломоносовское "сопряжение далековатых идей", при котором на первый план выступает сближение переносных значений слова, в лирике Батюшкова получило новое осмысление, отвечающее поэтике романтизма. Именно с этим, нам кажется, связана батюшковская тенденция подбирать эпитет, определяющий, по наблюдению Г. Гуковского, тональность предметного слова как непредметного.⁷

В основе художественного метода Батюшкова лежало эмоциональное начало. Его логические небрежности составляли яркую примету стиля. Поэзия Батюшкова, как и его знаменитого предшественника, противилась объективно-рационалистическому истолкованию.

Барочные элементы од Ломоносова: инверсии, восклицания, риторические вопросы, пристрастие к оксюморонам ("бодрая дремота", "громкая тишина"⁸) проникли в лирику раннего романтизма; то, что у Ломоносова было лишь одним из частных явлений стиля, в эпоху Батюшкова стало ведущим стилевым принципом.⁹

Медитативная лирика Ломоносова оказала несомненное влияние на Батюшкова. Ломоносовское:

В тебе надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда [...]

Надежду крепку несомненно
В тебе едином положу
(*"Переложение псалма 70"*)

отозвалось батюшковской "Надеждой":

Он! он! Его все дар благой! [...]
Все дар его, и краше всех
Даров – надежда лучшей жизни!

Ломоносов:

В надежде тяготу сноси
И без роптания проси
(*"Ода, выбранная из Иова"*)

Батюшков:

И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую Надежды
(*"К другу"*)

Духовные искания Батюшкова были совсем иного рода, чем Ломоносова – ученого и просветителя. При явной соотнесенности стихотворения "К другу" с ломоносовскими "Размышлениями" отчетливей проступают различия в умонастроении поэтов.

Оба стихотворения ("К другу" и "Вечернее размышление") открываются описанием северной ночи. Эта аналогия только усиливает контраст психологического рисунка. Север Батюшкова беспросветный, темный ("на темном севере"), украшенный единственной звездой (Вesper). У Ломоносова северный ландшафт светел, он источает необычайное по великолепию сияние: "Звездам числа нет, бездне дна". По соотнесенности с внешними описательными приемами спроецирован и облик лирического героя. Батюшковский герой погружен в раздумия о тленности земного бытия: "что прочно на земли?", "минутны странники, мы ходим по гробам?". Взгляд его направлен на здешнее и быстротечное: "я здесь на пепле храмин сих", "так все здесь суетно в обители сует!". Угнетающие картины разрушения дорисовывают мрачную атмосферу северной ночи – ночи жизни.

Грани между днем и ночью стерты у Ломоносова. Его северное сияние преобразует земную ночь: "се в ночь на землю день вступил". Пытливый взгляд его устремлен в необъятную космическую бездну. Чудо северного сияния побуждает исследовательскую мысль поэта, но, неудовлетворенный научными гипотезами ("сомнений полон ваш ответ"), он с сокруше-

нием признает: "Так я в сей бездне углублен, / Теряюсь, мыслями утомлен".

В сомнениях теряется герой Батюшкова: "Так ум мой посреди сомнений погибал", и лишь на краю гибели внезапно прозревает:

И мрак исчез, прозрели вежды:
И вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую надежды.

Ломоносов убеждается в могуществе созидательной творческой мысли, в ее недоступности и совершенстве. Разрешение этой темы находим в стихотворении 1761 года:

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на землю от высоты смотренье;
Или по слепоте без ряду все течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премену дней, ночей, явления луны,
Признал, что божеской мы силой созданы.

Ломоносов признает, Батюшков прозревает – таковы пути вероискательства двух поэтов.

Ломоносов неоднократно прибегал к библейским реминисценциям и метафорам. В замечаниях к "Опытам" Пушкин отметил перифразировку ломоносовских строк:

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает.
("К другу")

Ломоносов:

Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне
("Вечернее размышление")

Последнее представляет собой конечный в поэзии Ломоносова вариант метафоры: "Не так – нечестивые; но они как прах, возметаемый ветром" (Псалм 1). В переложении 1743 года Ломоносов пробует: "Как вихрем во-схищенный прах", в 1751 году, ближе к подлиннику: "Как вихрем возмущенный прах". Но уже в оде 1742 года "На прибытие императрицы Елизаветы Петровны из Москвы" сказано: "Как сильный вихрь с полей прах го-

нит / И древ верьхи высоки клонит".

Сходный процесс наблюдается у Батюшкова.

Вот, например, ранние употребления этого тропа:

Велишь – как ветер в прах, исчезнет смертных род!

("Бог")

Как пылинка вихрем поднята,
Как пылинка вихрем брошена
("К Филисе")

Знаменитое пушкинское:

И мчится в прахе боевом
Гордясь могущим седоком
("Полтава")

как указал Г. Гуковский, восходит к ломоносовской благодарственной "Оде":¹⁰

И топчет бурными ногами
Прекрасной всадницей гордясь.

Эти строки запомнились и Батюшкову и попали в повесть "Предслав и Добрыня": "ноги его воздымали облако праха [...] и он, казалось, гордился своей всадницей".

В "Гезиоде и Омيره, соперниках" в образе стремительно бегущих коней:

И кони бурные со звонкой колесницей
Пред ней не будут прах крутить до облаков

отражен ломоносовский эпитет¹¹:

Там кони бурными ногами
Взывают к небу прах густой
("Ода на прибытие Елизаветы Петровны, 1742")

Ломоносов возвращался к этому эпитету:

И быстрый конь под ним, как бурный вихрь, крутился
Селим") ("Тамира и

Как в равных разбежась свирепый конь полях,

Ржет, пышет, от копыт восходит вихрем прах
 ("Петр Великий")

Вносимые Ломоносовым изменения находились в зависимости от его жанровых установок. В трагедии и поэме заметна тенденция к логически оправданной ясности, которой Ломоносов не ищет в оде. Батюшков, напротив, стремится к отвлеченности, к образу-символу в своих элегиях:

"Ура" победы и зыванье
 Идущих, скачущих к тебе богатырей.
 Взивая к небу прах летучий,
 По трупам вражеским летят
 ("Переход через Рейн")

Батюшков был свидетелем и участником военных действий: "Простой ратник, я видел падение Москвы, видел войну 1812, 13 и 14 г., видел, читал газеты и современные истории! Сколь ко л ж и ! " Отвращение к официальному патриотизму соединялось в Батюшкове с искренней восторженностью и увлечением военными событиями. Именно тут пригодился Ломоносов¹². Ср. в "Петре Великом":

Представь себе, мой друг, позорище ужасно!

и в послании "К Никите":

И вот... о, зрелище прекрасно!
 Колонны сдвинулись, как лес.

Письмо к Гнедичу (от 27 марта 1814 г.) характерно отражает взгляд Батюшкова на войну. Вслед за сдержанным вступлением: "О военных и политических чудесах я буду говорить мимоходом: на то есть газеты", следует полный эмоций и живописный рассказ о сражении: "Зрелище чудесное! Вообрази себе кучу кавалерии..." Батюшковым, вслед за Ломоносовым, овладевает веселье войны:

Как весело перед строями
 Летать на ухарском коне [...]
 Как весело внимать: "стрелки,
 Вперед! Сюда, донцы! Гусары!
 ("К Никите")

Ломоносов:

Бежит в свой путь с весельем многим
 По холмам грозный исполин

(Ода 1742 г.)

Конечно, не менее созвучны Батюшкову лирические отступления Ломоносова:

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладят жилы, сердце ноет
(Ода 1739 г.)

Батюшков:

Друзья! Но что мою стесняет страшно грудь?
Что сердце так и ноет и трепещет?
(*"Умирающий Тасс"*)

Отличительной чертой поэзии Ломоносова, как указал А.А. Морозов, было антиномичное сочетание абстрактного и конкретно-чувственного начала.¹³ Батюшков развивает эти приемы. В послании к Никите Муравьеву – *"К Никите"* – (попутно заметим обыгрывание фамилии адресата в третьей строке: *"И в первый раз над муравой"*) из ряда типично ломоносовских синонимов – тишина, отрада, мир – создается *"отрадная тишина"* войны:

С Суворовым он вечно бродит
В полях кровавых войны
И в вялом мире не находит
Отрадной сердцу тишины.

Новизной и свежестью метафора Батюшкова бывает обязана искусной контаминации. Вот строка из *"Воспоминания"*:

Что медной челюстью гром грянет с сих холмов

Ср. у Ломоносова:

Так мгла из *челюстей* курится
(Ода 1746 г.)
Гортани *медные* рыгают жар свирепый
(*"Петр Великий"*)

В *"Сне воинов"* сцены гибели бойцов по натурализму, выразительной конкретности описания гораздо ближе к живописной образности Ломоносова, чем к отвлеченной иносказательности оригинала (*"Сон воинов"* – вольный перевод из 3-й песни поэмы Парни *"Иснель и Аслега"*):

Иный чудовище сражает —
Бесплодно меч его сверкает;
Махнул еще, его рука
Подъята вверх... окостенела

Ломоносов:

Иной с размаху меч занес на сопостата,
Но прежде прободен, удара не скончал
("Тамира и Селим")¹⁴

Именно об этих стихах Ломоносова Батюшков писал в очерке "Ариост и Тасс": "какую силу получают самые обыкновенные слова, когда они поставлены на своем месте".

Влияние Ломоносова сказалось на одном из наиболее ярких достижений Батюшкова — послании "К Дашкову". Расхищенная и сожженная Москва была воспета Ломоносовым:¹⁵

Там храмов божиих старинный труд верхи
По стогнам и по рвам повергнули враги.
Еще восходит дым от хищного пожара,
И воздух огустел от побоев пара.
На торжищах пустых порос колючей терн,
Печальный Кремль стоит окровавлен и черн.
Чертоги царские, церковные святыни
Подобно сетуют как скучные пустыни
("Петр Великий")

Сходная картина описана в трагедии "Тамира и Селим":

Где были созданы всходящи к небу храмы
И стены, труд веков и многих тысяч пот,
Там видны лишь одни развалины и ямы.

Разрабатывая эту тему, Батюшков сохраняет ломоносовский синтаксис и фразеологию:

И там — где зданья величавы
И башни древние царей [...]
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых [...]
И там, — где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —

Лишь угли, прах и камней горы.

Война, по Батюшкову, превращает поэта-эпикурейца в поэта-баталиста:

А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость [...]
Нет! Нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
(*"К Дашкову"*)

Декларируемый здесь отказ от легкой поэзии в духе ломоносовского "Разговора с Анакреоном", все же носит временный характер ("дотоле будут мне / Все чужды Музы и Хариты"). Стихотворение "К Дашкову" проникнуто чувством национальной катастрофы и личной героики, то есть посвящено трагически-высокой теме, вытесняющей в этот роковой час любовную лирику.¹⁶

Героико-патриотический пафос оды обычно сопровождался восхвалением царствующих особ. Отголосок этой традиции – хвалебные в адрес императрицы слова в стихотворении "Переход через Рейн":

Где ангел мирный, светозарный,
Для стран полуночи рожден

Ср. у Ломоносова:

Щедрот источник, ангел мира,
Богиня радостных сердец
(Ода 1759 г.)

В обоих примерах речь идет о Елизавете: Батюшков прославляет Елизавету Алексеевну, Ломоносов – Елизавету Петровну. ("Как в имени твоём предтечный / Поставил нам покоя сень" – Ода 1759 г.)

Ломоносов, которого долго не покидала надежда на восшествие нового Петра, как правило, наделял императриц чертами мужественными: "О, вы российски героини" (Ода 1752 г.), "Геройский свой являя вид" (Ода 1758 г.), "Сверкает красота мечем" (Ода 1762 г.). Батюшков в этом отношении скорее последователь Вольтера. Сочетание воинственного и женственного вызывает у него сладострастные ассоциации: "Накинь мой плащ широкий, / Мечом вооружись" ("Мои пенаты").

Предпочтение мирного царствования императриц тематически отрази-

лось на одном из последних, написанных в период душевной болезни, стихотворений поэта:

Так первый я дерзну в забавном русском слове
О добродетели Елизы говорить [...]
Царицы, царствуйте, и ты, императрица!
Не царствуйте, цари: а сам на Пиде царь!
(*"Подражание Горацию"*)

Батюшков воспринял поэзию Ломоносова своеобразно и в самых глубинных ее пластах. Ломоносовское влияние сказалось на структурной организации стиха, на эмоциональном отношении к слову, на тематике.

Успешно отразив эволюцию поэтического стиля, предпринятую в начале XVIII века Карамзиным, Батюшков в отличие от Карамзина и его школы, проявил трогательное внимание к личности Ломоносова, к его духовному облику, и творческий подход к наследию Ломоносова – поэта.

Знаменателен отзыв Пушкина о Батюшкове: "Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова".¹⁷

Примечания

- 1 В обзорной главе "Историография поэзии Батюшкова" Н.В. Фридмана (кн. *Поэзия Батюшкова*, Наука, М., 1971) Ломоносов упомянут один лишь раз и то в связи с замечанием Белинского об Озерове, Жуковском и Батюшкове, продолживших ломоносовское направление в поэзии (Фридман, 26). Счастливое исключение составляет книга И.З. Сермана о Батюшкове, в которой рассмотрены: возрождение ломоносовской батальной темы у Жуковского и Батюшкова, а также прямые стихотворные переключки с Ломоносовым в батюшковском переводе из Мильвуа. (I.Z. Serman, *Konstantin Batyushkov*, New York: Ewayne, 1974, 97, 111). В работах последнего времени о Батюшкове Ломоносов остается незамеченным, см., например, W.E. Brown, "The Older Innovators: Konstantin Batyushkov". W.E. Brown, *A History of Russian Literature of the Romantic Period*, 1, Ardis, Ann Arbor, 1986, 227–255.
- 2 О близости художественной позиции Батюшкова и Муравьева см.: Г.А. Гуковский, *Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в.*, Л., 1938, 286.
- 3 Все цитаты из Батюшкова приводятся по изданию: К.Н. Батюшков, *Сочинения*, т. 1, 2, М., Художественная литература, 1989.
- 4 И.З. Серман, "О поэтике Ломоносова", *Литературное творчество М.В. Ломоносова*, М.–Л., 1962, 123, 124.

- 5 И.З. Серман, "К. Батюшков «Мои пенаты». Послание к Жуковскому и Вяземскому", *Поэтический строй русской лирики*, Л., 1973, 63.
- 6 Ю.Н. Тынянов, "Ода как ораторский жанр". Ю.Н. Тынянов, *Поэтика. История литературы. Кино*. М., 1977, 238.
- 7 Г.А. Гуковский, *Пушкин и русские романтики*, М., 1965, 100.
- 8 А. Морозов, "М.В. Ломоносов", вступительная статья, М.В. Ломоносов, *Избранные произведения*, М.-Л., 1965, 35. Стихотворения Ломоносова цитируются по этому же изданию.
- 9 М.З. Серман, "О поэтике Ломоносова", 124, 125.
- 10 Г.А. Гуковский, *Русская литература XVIII в.*, М., 1939, 111.
- 11 И.З. Серман, "О поэтике Ломоносова", 124, 125.
- 12 Ср.: "Переход через Рейн", несомненно, связан с военными одами 18 века – с их батальными картинами и прославлением подвигов русской армии". Н.В. Фридман, *Поэзия Батюшкова*, 175.
- 13 А. Морозов, "М.В. Ломоносов", 35.
- 14 Ср. в "Бахчисарайском фонтане":

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю – и с размаха
Недвижим остается вдруг.

Пушкин вспоминал, что А. Раевский не мог удержаться от хохота над этими стихами. А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*, АН СССР. т. 11, 145.

- 15 "Посвятив часть своей поэмы «Петр Великий» событиям польской интервенции и освобождению Москвы, Ломоносов оказался зачинателем темы, занявшей значительное место в русской литературе XVIII–начала XIX века". Г.И. Бомштейн, "Ломоносов и национально-историческая тема в русской литературе и искусстве", *Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры*, М.-Л., Наука, 1966, 89.
- 16 Ср.: "В послании 'К Дашкову', написанном еще в 1813 г., ни слова не говорится о высокой поэзии. Батюшков отказывается здесь от 'мирной девницы' не ради громкой лиры, но ради личного подвига на поле брани" (А.Л. Зорин, "К.Н. Батюшков в 1814–1815 гг.", *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, т. 47, 1988, 4.)

¹⁷ Пушкин, А.С. *Полное собрание сочинений*, т. 11, 21.